

Институциональная теория анализа трансформации экономических отношений в высшей школе России
Institutional theory of the analysis of the economic relations transformation at the higher school in Russia

Костылева Светлана Юрьевна,
кандидат экономических наук
Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Тамбов, Россия
Kostlyova Svetlana Yu.,
PhD in Economics
Tambov branch of the Russian presidential academy of national economy and public administration, Tambov, Russia
E-mail: KostylovaSvetlana@yandex.ru

УДК 352
ББК 65.05
К 72

Важную роль в исследовании высшей школы играет институциональный методологический подход, который включает широкий спектр теорий и методов, в том числе эволюционный подход к теории фирмы, развитие новой институциональной экономической теории, транзакционный подход, австрийскую школу с ее акцентом на знаниях и экономическом процессе, экономический подход Г. Беккера к человеческому поведению. С позиции этих и других подходов проведен анализ трансформации экономических отношений в высшей школе России.

Ключевые слова: институциональная теория, экономические отношения высшей школы.

An important role in the study of the higher school plays institutional methodological approach, which includes a wide range of theories and methods, including evolutionary approach to the theory of the firm, the development of new institutional economic theory, transaction approach, the Austrian school, with an emphasis on knowledge and the economic process, economic approach, Becker to human behavior. The analysis of the transformation of the economic relations at the higher school of Russia is made from the standpoint of these and other approaches.

Keywords: institutional theory, economic relations of the higher school.

Перерастание индустриального общества в постиндустриальное обуславливает изменение мировоззрения при осмыслении экономической реальности, современных процессов, происходящих в экономике, их тенденций и перспектив. Для методологии современной экономической теории особенно значимым стала постмодернистское восприятие действительности, ее ценностей, характера общественных процессов вообще, и экономического развития в частности.

Постмодернизм как «смещение жанров» предполагает новые ориентиры в экономической теории. М.И. Скаржинский обозначает следующие постмодернистские принципы научного познания [1, с. 3-5.].

Во-первых, новый подход к дифференциации и интеграции научного знания. Институциональная дифференциация предшествующего развития обусловила дифференциацию интеллектуальную: профессионализацию и дробление познавательной сферы, различных наук. Предмет экономической теории в постмодернистском течении научной мысли уже не является жесткой границей, отделяющей ее от других наук – теории права, этики, социальной психологии. Современное экономическое исследование в анализе поведения экономических субъектов и их взаимодействий включает в себя правовые, психологические и этические аспекты этих взаимодействий.

Во-вторых, принципиальный отказ от признания доминирования той или иной части над целым. Постмодернизм утверждает особую ценность плюрализма и

равноправного диалога, совместных усилий в поиске компромиссных решений при неизбежных противоречиях, конфликтах, разногласиях.

В-третьих, методологический принцип ограниченной рациональности. Достижения научно-технического прогресса и казавшиеся неограниченными возможности познания вызвали представление о рациональности человеческого поведения. Однако наряду с достижениями разума появляются и его негативные последствия, а марксистские надежды на способность обновленного разума превратить царство угнетения в царство свободы оказались нереализуемыми на практике. И у самой рациональности стали отчетливыми ее границы. А.Е. Шаститко замечает: «Причем критически важным моментом ограниченной рациональности является не только полнота информации, но и невозможность ее полной, всеобъемлющей обработки, интерпретации применительно ко всем ситуациям выбора» [2, с. 36].

В-четвертых, методологический индивидуализм. Привычные, в особенности для диалектического мышления, дихотомии, включая разделение формы и содержания, в постмодернистском восприятии реальной жизни разрушаются. По А.Е. Шаститко, «методологический индивидуализм позволяет преодолеть дихотомию «полезность – прибыль» и рассматривать поведение фирм в терминах максимизации полезности менеджеров, реально контролирующих ту или иную фирму, так же как государство – в терминах максимизации полезности чиновников, политиков или групп с однородными экономическими интересами» [2, с. 38].

Современная экономическая мысль знает следующие основные методологические подходы к исследованиям реалий и процессов:

- каузальный, приверженцами которого являются различные марксистские течения;
- функциональный, с большой сферой неоклассических ответвлений;
- кейнсианский, имеющий свою нишу и своих приверженцев;
- институциональный, который включает широкий спектр теорий и методов, в том числе эволюционизм и другие.

В рамках основного направления теоретической мысли (mainstream), в основе которого лежат неоклассические идеи и принципы и которому соответствует функциональный подход, не удастся убедительно объяснить многие экономические явления и выработать рекомендации, позволяющие явным образом решить насущные экономические проблемы. Сердцевину корпуса теории, которую принято так именовать, составляет совокупность представлений о таких объектах, как рациональность, знания, экономический процесс и человек как экономический агент. Неоклассическая теория (некоторые исследователи называют ее ортодоксальной теорией) предполагает следующее:

- рациональное максимизирующее поведение всех экономических агентов, то есть, считается, что эти агенты осуществляют оптимизацию в соответствии с экзогенно заданными предпочтениями;

- отсутствие неустранимых информационных проблем, в том числе принципиальная неопределенность в отношении будущего, широко распространенное незнание структуры и параметров сложного мира, межличностные различия в степени познания явлений, касающихся всех;

- концентрация теории на движении к равновесным состояниям покоя и на достижении таких состояний, а не на непрерывных процессах трансформации, происходящих в историческом времени.

Как отмечает Дж. Ходжсон, приводя пример приостановки роста производительности в США после достижения высокого абсолютного уровня, ортодоксия, столкнувшись с теоретическими проблемами, «ищет объяснение в их рыночном аспекте, в терминах заработной платы и издержек и зачастую игнорирует организацию производства, а также умения и их практическое применение в работе...

Ортодоксия... исходит из допущения о фирме, как черном ящике, напрямую реагирующем на изменения издержек и давление рынка» [3, с. 16].

Альтернативных mainstream подходов множество. Для нас наибольший интерес представляет эволюционный подход к теории фирмы [4], развитие новой институциональной экономической теории [5], трансакционный подход Р.Коуза [6], австрийская школа с ее акцентом на знаниях и экономическом процессе [7], экономический подход Г. Беккера к человеческому поведению [8] и другие.

Тамбовской научной школе по экономическим интересам в транзитной экономике (И.Г. Саяпин, В.М. Юрьев) присуще использование всего инструментария современной экономической теории. При таком подходе институциональный анализ дополняется изучением сущностных категорий и форм их проявления, динамики экономических отношений в виде экономического поведения, экономических интересов. Экономические отношения обуславливают формирование и развитие институтов, но и институты оказывают определяющее воздействие на трансформацию экономических отношений. В.М. Юрьев сформулировал свои идеи о методологических подходах к изучению экономических интересов и процессов. Основные из них заключаются в следующем: «Гармонизация экономических интересов есть постоянное развитие и изменение путей сочетаемости непрерывно варьирующихся экономических интересов разных уровней и видов. Гармония экономических интересов есть не уничтожение противоречивости их взаимодействия, а придание процессу разрешения экономических интересов единонаправленности. Этот процесс, являясь объективным по своей основе, в то же время может выступать как стихийное и управляемое сочетание и разрешение экономических интересов. Сущность управления экономическими интересами заключается в прогнозируемом, постоянном, активном воздействии на согласованность экономических интересов социального субъекта. Цель управления сочетанием экономических интересов коллектива – достижение на основе гармонизации интересов высокого уровня стабильности коллектива». И далее: «В хозяйственной деятельности коллектива механизм управления его экономическими интересами является основой разработки принципиальной схемы гармонизации экономических интересов социального субъекта. Цель этого алгоритма – связать воедино определение границ и условий согласования и разрешения экономических интересов субъекта и, в зависимости от специфики развития и особенностей жизнедеятельности, на основе строгого соблюдения принципов согласования, используя комбинацию методов согласования, выработать наиболее рациональную систему конкретных форм осуществления этого процесса. Алгоритм включает в себя три взаимосвязанных и взаимообусловленных друг другом подсистемы (фазы). Первая – анализ уровня согласованности и единонаправленности разрешения экономических интересов субъекта на определенный момент времени. Вторая – определение границ согласованности и формирование единых направлений разрешения экономических интересов субъекта. Третья – оптимальное разрешение экономических интересов субъекта. При согласовании экономических интересов социальных субъектов все подсистемы алгоритма действуют одновременно. Обслуживая динамичный и непрерывный процесс, подсистемы алгоритма постоянно возобновляют свое действие на качественно новой основе» [9, с. 409-410].

Важную роль в исследовании высшей школы играет системный подход, который по своей сути является эволюционным, так как характеризуется акцентом на поступательных процессах и динамической трансформации. Социально-экономическая система трактуется нами как система открытая, которая может достигать устойчивого состояния в зависимости от изменчивости среды, окружающей систему. Системному подходу есть что предложить экономической науке. Некоторые из общих теоретических результатов, полученных системными теоретиками, реально приложимы к данной области знаний. Отметим, например, приложение «закона необходимого разнообразия» У.Р. Эшби

[10, с. 339] к изучению социально-экономических систем, на котором мы остановимся ниже.

Еще А. Смит развил такое представление об экономической системе, при котором производственные процессы имеют эндогенный характер, и сделал производство наряду с динамической теорией разделением труда центральным моментом своего «Богатства народов» [11]. Он считал технологию не заданной извне, а претерпевающей непрерывные трансформации, в том числе в результате изменений экономической конъюнктуры.

К. Маркс внес в изучение производственных процессов много нового, включив в рассмотрение такие факторы, как изменение продолжительности рабочего дня и интенсивности труда, а также динамическую трансформацию технологии в условиях капиталистической системы. Постоянно подчеркивая общественную природу человеческой личности, К. Маркс первым ответил индивидуалистическим предпосылкам, лежащим в основе ортодоксальной экономической мысли. Он писал, что «человек – не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо» [12, с. 414]. Эта мысль по сей день не утратила актуальности. Хотя экономические труды К. Маркса были написаны задолго до возникновения современного системного подхода нашла такое отражение, какого редко удавалось достичь другим экономистам.

Т. Веблен придавал большое значение процессам экономической эволюции и технологической трансформации и тому, каким образом обстановка оказывает формирующее воздействие на поступки индивидов. Он исходил из того, что на индивидуальное поведение влияют отношения, природа которых институциональна: «Потребности и желания, цели и устремления, пути и средства, масштаб и направленность поведения индивида – все это функции некоей институциональной переменной, характер которой крайне сложен и абсолютно неустойчив» [13, с. 245]. В этом ключе высказался Ф. Найт: «Потребности принято трактовать как единственные основополагающие данные, как главную движущую силу экономической деятельности, и в краткосрочной перспективе такой подход научно обоснован. Но столь же очевидно, что в долгосрочной перспективе потребности являются зависимыми переменными, ибо сами в значительной степени обусловлены и формируются экономической деятельностью. Ситуация в чем-то аналогична связи между рекой и ее руслом: какое-то время течение реки определяется ее руслом, но в дальнейшем картина сменяется на противоположную» [14, с. 262].

Дж. Бьюкенен писал, что Ф. Найт – «редкий пример теоретика, одновременно являющегося институционалистом, и институционалиста, не занимающегося сбором данных» [15, с. 426]. Поддержкой системному подходу служат заявления по поводу податливости вкусов и взаимодействия между технологией и экономикой, сопровождаемые предметной иллюстрацией у Джона Гэлбрейта [16], работы Г. Мюрдаля, Ф. Шумахера [17].

Таким образом, становится явной неправомерность самой постановки вопроса о том, какие теории правильные и какие неправильные. Все они имеют право на жизнь, каждая из них обладает исследовательским потенциалом при рассмотрении различных сторон и аспектов современной сложнейшей и многослойной экономической реальности. Имея это в виду, продолжим анализ методологических подходов к изучению этой реальности.

Определяя методологические основы, отметим вклад М. Фридмана в их разработку. В своем знаменитом эссе «Методология позитивной экономической науки» [18] он апеллирует к различиям между позитивной и нормативной наукой, в общих чертах намеченным Дж. Н. Кейнсом [19], и заявляет о своей убежденности в том, что позитивное согласие между экономистами по поводу последствий предложений в области экономической политики поможет внести ясность в дебаты и будет способствовать установлению широкого нормативного консенсуса. Он фактически отвечает тем, кто убежден в возможности непосредственной проверки и подтверждения допущений экономической теории эмпирическим путем, и пренебречь этим ответом трудно.

Он утверждает, что «позитивная наука имеет своей конечной целью выдвижение «теории» или «гипотезы», которая дает правильные и значимые предсказания относительно еще не наблюдавшихся явлений» [20, с. 23]. Он предлагает ряд критериев приемлемости теории, среди которых важное значение имеют полнота и логическая последовательность, но главный акцент делает на тезисе о том, что «единственным конкретным тестом, позволяющим судить об обоснованности гипотезы, может быть сравнение ее предсказаний с реальностью» [20, с. 24]. Поскольку конечное число свидетельств не позволяет отобрать из всего множества соперничающих теорий единственную, требуется дополнительный критерий. Хотя этот критерий «должен быть до некоторой степени произвольным... имеется общее согласие, что при этом в расчет должны приниматься критерии «простоты» и «плодотворности», но эти понятия сами по себе не поддаются объективному определению» [20, с. 25].

М. Фридмен утверждает, что «гипотеза важна, если она «объясняет» многое малым, то есть, извлекает общие и решающие элементы из массы сложных и детализированных обстоятельств, которые окружают подлежащие объяснению явления, и позволяет делать верные предсказания на основе одних лишь этих элементов». Не существует реальной возможности проверить теорию, основываясь на «реалистичности» ее допущений: «вопрос о «предпосылках» теории состоит не в том, являются ли они «реалистичными» описаниями, поскольку таковыми они никогда не являются, но в том, являются ли они достаточно хорошими приближениями к реальности с точки зрения конкретной цели. А на этот вопрос можно ответить на основании эффективности теории, то есть, ее способности давать достаточно точные предсказания». И далее: «Чем более важной является теория, тем более нереалистичны... ее предпосылки для того, чтобы быть значимой, гипотеза должна исходить из дескриптивно ложных предпосылок... вопрос о предпосылках теории состоит не в том, являются ли они «реалистичными» описаниями, поскольку таковыми они никогда не являются» [20, с. 29].

Распространена позиция трактовки той или иной методологии как разновидности инструментализма. Так, по Дж. Ходжсону, «теории лучше всего считать не более чем инструментами... Теория – это орудие, и судить о ней надо по некоторому критерию ее эффективности в этом качестве... С точки зрения строгого инструментализма нереалистичность допущений нисколько не повышает и не понижает качества теории. Существенно лишь то, полезна теория или нет в соответствии с тем или иным инструментальным критерием» [21, с. 68]. Если, по версии М. Фридмена, о полезности теории надо судить по ее способности давать правильные предсказания, то по инструменталистской интерпретации о теории можно судить по тому, насколько она полезна в качестве орудия практиков бизнеса или по ее способности поддерживать определенную политическую идеологию.

Заметим, что инструменталисты, во-первых неявно отказываются от цели нахождения истины. Во-вторых, тщательное моделирование и оценка предполагаемых причинно-следственных связей в ходе конкурентной борьбы за прогностическую адекватность уступают место умеренной статистической корреляции. В-третьих, как указывает К. Поппер, признание инструментализма исключает возможность опровержения теории [22]. В контексте строгого инструментализма никакую теорию нельзя считать ни истинной, ни ложной, ее можно признать адекватной или неадекватной, но нельзя опровергнуть на том основании, что она не подтверждается.

Как многое позитивисты и эмпирики, М. Фридмен осознает, что осмысление данных, свободное от всяких теорий, невозможно: «Теория есть способ восприятия «фактов», и мы не можем воспринять факты без теории» [23, с. 44]. Тестирование теории посредством ее предсказаний неизбежно приводит к эмпиристской эпистемологии.

По своей природе явное знание передается от человека к человеку и поэтому выражается на языке, принятом в обществе. Способ выражения, принятый в конкретном используемом языке, придает дополнительную структуру каждой единице такого знания,

и эта структура является продуктом социальных отношений и процессов. Социально закреплённый язык воздействует и на развитие теорий. Как подчеркивает ряд философов науки (П. Фейерабенд, Т. Кун, И. Лакатош, К. Поппер, М. Полани, С. Тулмин), наука – вид социальной деятельности, и ее развитие предусматривает исходящую от общества генерацию, тщательную проверку и признание или отрицание теорий, процедур и норм [24]. Наука в принципе не может быть нейтральной в смысле полной свободы от пристрастий и предметов озабоченности общества и научной общественности.

Примечательны «заповеди» методологии mainstream, которые приводит Дж. Ходжсон [25, с. 80]:

- цель науки – прогнозирование;
- для установления истинности теории имеют значение только ее предсказания и видимые следствия из нее;
- видимые следствия означают наличие объективных, воспроизводимых экспериментов;
- теория считается ложной тогда, и только тогда, когда одно из ее экспериментальных следствий оказывается ложным;
- тезис Кельвина: «Если не можешь выразить свои знания в числах, значит, они скудны и неудовлетворительны» (Ф. Найт по поводу этого тезиса заметил: «Если можешь выразить свои знания в числах, они тоже скудны и неудовлетворительны» [26, с. 395];
- задача методологии – проводить грань между научными и ненаучными доводами и между позитивными и нормативными суждениями;
- принятие «камертона» Юма: стоящий научный трактат должен содержать либо «абстрактные рассуждения по поводу количеств и чисел», либо «экспериментальные рассуждения по поводу сущности фактов и бытия», в противном случае «предай его огню, ибо он не может содержать ничего, кроме софистики и заблуждений»;
- ученым как таковым нечего сказать ни о нравственных, ни о художественных ценностях.

Примечательно, что достоверные предсказания невозможны не только в экономической науке. Аналогичная проблема имеет место, например, в квантовой механике в связи с принципом неопределенности Гейзенберга. Близко к этому стоит суждение М. Алле: «Экономическая наука должна только представлять научную информацию, в соответствии с которой может быть осуществлен обоснованный выбор. Считать, что она разрабатывает научные решения, является опасным заблуждением [27, с. 17].

Обратимся к работам М.И. Скаржинского, в которых он отмечает ограниченную нормативность экономической теории: «Объясняя суть экономических процессов, выявляя закономерность их происхождения и развития, определяя сложившиеся тенденции и предсказания на этой основе вероятные изменения в экономической системе, теория остается в пределах позитивного анализа. Но если, опираясь на такой анализ, экономическая наука вырабатывает конкретные рекомендации власти, конкретным фирмам, домохозяйствам, предписывает им, как достичь высших результатов, эффективности хозяйственной деятельности, это уже означает нормативные утверждения» [28, с. 8]. И далее: «Экономическая теория не может и не должна выдавать конкретные рекомендации для экономической политики государства. Но она способна разрабатывать различные сценарии в макроэкономической динамике, определять условия, в которых каждый такой сценарий может реализовываться, и последствия этой реализации» [28, с. 9].

При формировании методологии исследования необходимо уделить внимание методологическому индивидуализму. Наиболее точным представляется взгляд, что с позиций методологического индивидуализма не удастся исследовать процессы, влияющие на индивидуальные вкусы и предпочтения, но и нет грубого примата общества или институтов над индивидом. Дж. С. Милль писал: «Законы общественных явлений суть (и

не могут быть ничем иным) законы активных и пассивных проявлений людей... закон индивидуальной человеческой природы... Соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто другое, обладающее другими свойствами» [29, с. 601].

С точки зрения Л. фон Мизеса, принцип методологического индивидуализма означает признание того факта, что «все действия производятся индивидами» и «коллектив не существует вне деятельности отдельных членов». При этом он признает, что «в области человеческой деятельности реально существуют общественные образования. Никто не рискнет отрицать, что нации, государства, муниципалитеты, партии, религиозные общины являются реальными факторами, определяющими ход человеческих событий» [30, с. 43].

К. Маркс не был приверженцем методологического индивидуализма, несмотря на свою концепцию целеустремленного индивида. Начиная анализ процесса производства, он писал: «Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове». В последующем описании трудового процесса он продолжает говорить о работе как о «целесообразной деятельности» и различает в процессе производства активный (труд) и пассивный (капитальные блага) элементы. По К. Марксу, активная человеческая воля проявляется не только в сфере производства, но и в сфере обмена юридический контракт – «волевое решение» [31, с. 94].

Л. Вальрас писал в «Элементах чистой политической экономии»: «Человек – существо, наделенное разумом и свободой воли, способное проявлять инициативу и совершенствоваться» [32, с. 7]. Для него именно «проявление воли человека» отличает социальную среду от природной.

Дж. Ходжсон, критикуя неприемлемое, с его точки зрения, представление о целеустремленном коллективе, считает, что «вменение целеустремленности важным человеческим действиям следует отличать от идеи, что преднамеренность можно приписывать коллективам... Крупная фирма нереалистически трактуется как субъект, преследующий единственную простую цель – максимизацию прибыли или полезности. Еще один пример – неправильное использование понятия общественного класса в некоторых марксистских сочинениях, где цели и стратегии приписываются всему классу как единому целому; эта ошибка выглядит особенно грубой в ситуации, когда отсутствуют какие-либо механизмы, посредством которых индивиды могут достичь подобного коллективного решения» [33, с. 101].

В той разновидности методологического индивидуализма, которой придерживается, например, фон Мизес, индивид и целеустремленная деятельность играют роль пара, приводящего в движение социально-экономический локомотив. Признавая значимость знаний, передающихся из поколения в поколение, и их воздействие на человеческое поведение, он утверждает, что «размышления – это всегда проявления индивидов» [34, с. 169]. Он апеллирует к психологическому объяснению цели и пишет о «психологических событиях, которые реализуются в действии» [34, с. 14]. Он утверждает, что предметом науки о человеческой деятельности являются действия как таковые, но не внутренние психологические процессы, которые к ним приводят. Ф. Хайек также исключает социальные факторы: «Если сознательное действие может быть «объяснено», то это задача для психологии, но не для экономической теории, или любой другой общественной науки» [35, с. 81].

Частью «твердого ядра» mainstream экономической теории являются, в терминах анализа научной методологии И. Лакатоса [36], допущения о рациональности. Концепция рационального экономического человека существует в разных редакциях. Не останавливаясь подробно на ее критике, выделим труды А. Маршалла и Л. Роббинса. Последний утверждал, что данный принцип эквивалентен принципу последовательного упорядочения предпочтений. Такое представление лежит в основе работ большинства

экономистов-неоклассиков, причем предполагается слабое упорядочение предпочтений, которое транзитивно и иррефлексивно.

Гипотеза максимизации как составная часть указанной концепции предусматривает определенный спектр вероятных вариантов делового поведения и не дает точного предсказания будущих действий фирмы. Механизм, предложенный С. Уинтером, состоит в том, что у фирмы имеются привычки и рутины, развитие фирмы обусловлено ее структурированными рутинными и на самом деле она не осуществляет оптимизацию [37]. Факт максимизирующего поведения всех экономических агентов отрицает и Х. Лейбенштейн. Он утверждает, что фирмы не могут достичь предписываемых неоклассикой стандартов по причине неэффективности и на практике они не максимизируют прибыли [38].

Бихевиористская исследовательская программа Г. Саймона с самого начала придавала большое значение тяготеющей над процессом принятия решений неопределенности и неполноте знания, а также ограниченному вычислительному потенциалу человеческого мозга. Одной из особенностей его работ является отрицание гипотезы максимизации и сохранение менее жесткого принципа «ограниченной рациональности». Например, агенты могут не собрать всю информацию, необходимую для принятия решения, но могут принять рациональное решение, делая выбор из возможных вариантов. Как утверждает Г. Саймон, если скоро фирмы и потребители не в силах эффективно работать со всей информацией, необходимой для достижения максимума, они не прибегают к максимизации, а «находят удовлетворительный результат», то есть просто стараются достичь приемлемого минимума [38].

В *mainstream* экономической теории считается, что потребности выражаются фиксированными функциями полезности и предпочтений, поэтому неоклассики пренебрегают возможными взаимодействиями между целями и средствами, а также формированием потребностей в ходе человеческой деятельности. В «Принципах экономической науки» А. Маршалла есть суждения, из которых видно, что он прямо признает влияние социальных и культурных факторов и на характер индивида, и на его цели. Он утверждает, что именно в те часы, когда человек занят делом, «с помощью которого зарабатывает себе на жизнь, его характер формируется под влиянием того, какие складываются у него отношения с товарищами по работе» [39]. Он пишет, что «хотя на ранних стадиях развития человека его деятельность диктовалась его потребностями, в дальнейшем каждый новый шаг вперед следует считать результатом того, что развитие новых видов деятельности порождает новые потребности, а не того, что новые потребности вызывают к жизни новые виды деятельности» [39].

Обращаясь к австрийской школе, отметим, что у ее последователей в основе рационалистической концепции человеческой деятельности лежит «дуалистическая философия», поводящая грань между природным миром и сферой человеческого мышления. Л. фон Мизес пишет: «Энергичный человек, усердно стремящийся улучшить свои условия, действует не больше и не меньше, чем апатичный человек, инертно принимающий события по мере их свершения. Поскольку ничегонеделание и пребывание в праздности также является деятельностью, то они определяют ход событий. Там, где присутствуют условия для человеческого вмешательства, человек действует независимо от того, вмешивается он или воздерживается от вмешательства. Тот, кто терпит то, что он в силах изменить, действует в такой же степени, что и тот, кто вмешивается с целью добиться других результатов. Человек, воздерживающийся от оказания влияния на действие психологических или инстинктивных факторов, на которые он имеет влияние, также действует. Действие – это не только делание, но и в не меньшей степени неделание того, что, возможно, могло бы быть сделано» [40].

Список литературы:

1. Скаржинский М.И. Постмодернизм в экономической теории // Проблемы новой политической экономики. 2004. № 1.

2. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. М.: ТЕИС, 2002.
3. Ходжсон Д. Экономическая теория: Перевод с английского. М.: Дело, 2003.
4. Нельсон Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Нельсон, С. Уинтер. М.: Дело, 2002.
5. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, СЕУ Пресс, 1996.
6. Природа фирмы / Под ред. О.И. Уильямсона и С. Дж. Уинтера: Перевод с английского. М.: Дело, 2001.
7. Мизес Людвиг фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. М.: Дело, 2001.
8. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: Перевод с английского. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
9. Юрьев В.М. Экономические интересы и их реализация в транзитарной экономике. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. М.: 1997. С. 409-410.
10. Эшби У.Р. Конструкция мозга. М.: Наука, 1964.
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики: Петти, Смит, Рикардо. М.: Эконом-Ключ, 1993.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 30 т. – 2-е издание. М.: Госполитиздат – Политиздат, 1955-1968. Т. 1.
13. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
14. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль: Перевод с английского. М.: Дело, 2003.
15. Бьюкенен Дж. М. Соч. Т. 1. М.: «Таурус Альфа», 1997.
16. Гэлбрейт Дж. К. Жизнь в наше время. – М.: Прогресс, 1986; Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1978.
17. Пределы роста. Доклад по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества». М.: Прогресс, 1991.
18. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Т. 2. Вып. 4.
19. Кейнс Дж. Н. Предмет и метод политической экономии. М., 1899.
20. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Т. 2. Вып. 4.
21. Ходжсон Д. Экономическая теория: Перевод с английского. М.: Дело, 2003.
22. Поппер К. Логика и рост научного знания: Избранные работы. М.: Прогресс, 1983. С. 314-315.
23. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 44.
24. Фейерабенд П. Против методологического принуждения: Опыт анархистской теории познания // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986;
25. Ходжсон Д. Экономическая теория: Перевод с английского. М.: Дело, 2003..
26. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль: Перевод с английского. М.: Дело, 2003.
27. Алле М. Единственный критерий истины – согласие с данными опыта // МЭ и МО. 1989. № 11.
28. Скаржинский М.И. Постмодернизм в экономической теории // Проблемы новой политической экономии. 2004. № 1.
29. Милль Дж. С. Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1914.
30. Мизес Людвиг фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Перевод с английского. М.: НПО «Экономика», 2000.
31. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. М.: Политиздат, 1988.
32. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства. М.: Экономика, 2000. С. 7.
33. Ходжсон Д. Экономическая теория: Перевод с английского. М.: Дело, 2003.
34. Мизес Людвиг фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Перевод с английского. М.: НПО «Экономика», 2000.
35. Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000.
36. Лакатос И. Фальсификация и методология научных исследовательских программ. М.: Дело, 1995.
37. Нельсон Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Нельсон, С. Уинтер. М.: Дело, 2002.
38. Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа, 1995.
39. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. – М.: Издательская группа «Прогресс Универс», 1993.
40. Мизес Людвиг фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Перевод с английского. М.: НПО «Экономика», 2000.